

Царевича жалко...

Культура. — 1997. — 14 авг. — С. 11

ВОКРУГ ПРЕМЬЕРЫ

Как умер сын Петра Великого, несчастный царевич Алексей, теперь уже в точности не скажет никто. Есть затуманивающая истину официальная формула: того же 26 июня 1718 года полудни в 6-м часу, будучи под караулом в гарнизоне, — преставился. Есть неофициальная догадка Пушкина об истине: умер отравленный. Есть чисто беллетристическая и потому вообще не претендующая на истину версия Мережковского: отец, ослепленный гневом, запытал сына до смерти. Потом мучился. Версий много, потому что интригует сама ситуация: редкостная возможность задать Истории запрещенный вопрос: А ЕСЛИ БЫ?

А если бы Алексей согласился принять отцово дело и кормилу прорвались бы его, Алексея, сторонники? (А если бы у другого Алексея, двести лет спустя, не было бы гемофилии, и к кормилу бы не прорвался "святой черт"? и т. д.)

Лев АННИНСКИЙ

Неудивительно, что Виталий Мельников делает о царевиче фильм, — тема такая, что всеобщий интерес обеспечен. Как неудивительно и то, что в фильме стянуты одной петлей судьбы двух царевичей, и в титрах сказано: сбылось-де предсказанное, кровь Алексея Петровича пала на Алексея Николаевича. А как же иначе? Теперь уже ни о чем нельзя применительно к дому Романовых заикнуться, чтобы не угодить мыслию в Ипатьевский подвал. У слабых художников это мода, у сильных — следование общественному настроению. Да, собственно, к чему бесплодно спорить с веком? Мельников художник сильный, и его картина есть яркое свидетельство общественного настроения, именно в этом качестве она более всего и интересна.

А киноискусство?

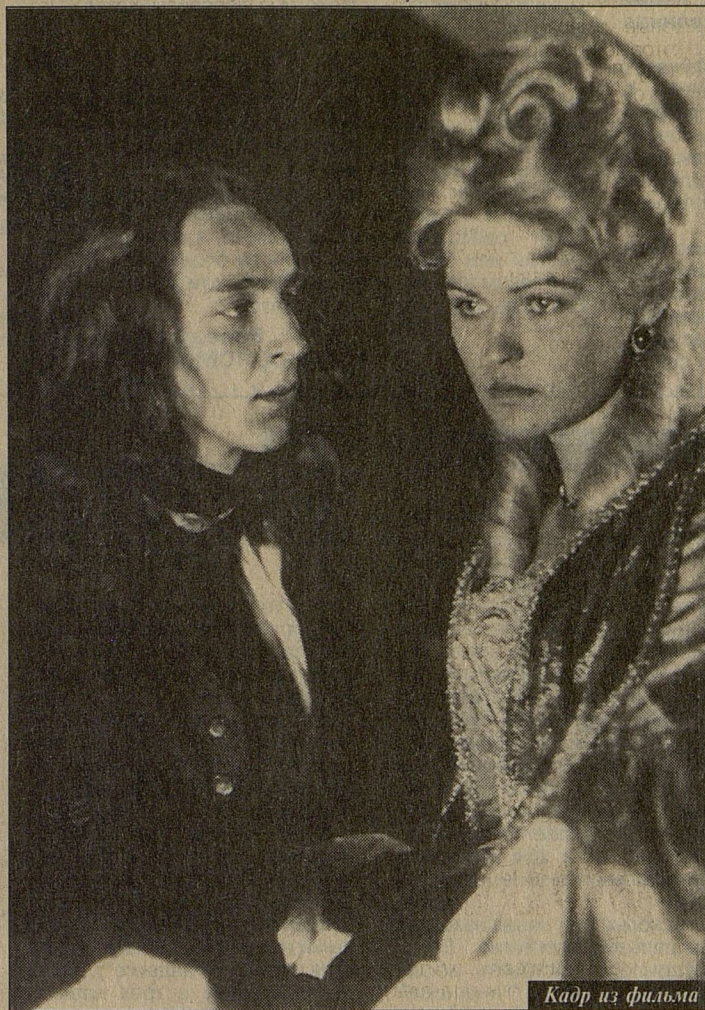
Киноискусство тут в полном порядке. То есть никаких монтажных прибамбасов, вывертов и переворотов, да здесь они скорее всего, помешали бы. Добротное современное кино. То есть: дорогостоящая доброта материальной фактуры (костюмы, интерьеры, фоны) плюс дорогостоящая проработка фактуры психологической (мизансцены, портреты, детали). Современная кинотехника позволяет соединить костюмное и психологическое кино в безотказно действующем иллюзионе, каковой и не снился мастерам во времена Николая Симонова, сыгравшего Петра на кинозаре соцреализма. Тогда историческая достоверность была крепко пристроена к костюмам; сегодня сама эта "пристроенность" психологически отслаивается как тема и становится темой для размышления.

То есть: хитрющие глаза Станислава Любшина из-под бровей графа Толстого создают такую стереофонию лукавства, что делаются как бы драмой в драме. Равно, как деланная простоватость Владимира Меньшова, наряженного в букли Меншикова. Вообще весь этот дикий петровский пель-мель: цыплячи западные танцы, исполняемые нашими нешутейными соотечественниками, на азиатских скулах которых прыгают пудренные парики, — это ж такой парад ряженых, такой карнавал медвежий! Пыжится Россия стать Западом, и одержимый царь подгоняет ее.

В кино это уже обыгрывал Сергей Герасимов... но речь не про кино. Речь про общественное настроение и про соответствующую ему историческую концепцию. Да, эпоха Петра — смешная, карнавальная, деланная, полная притворства. Но это наша история, наша реальность, и другой у нас нет. "Все мы — дети петровской эпохи", повторяешь тут вслед за русскими философами Серебряного века, которые ведь отлично знали, какими методами вколачивал Петр западный разум в наши восточные задницы. Жуткое зрелище? И тем не менее...

И тем не менее — всем нам он отец родной. И — естественно — ключевая фигура фильма. Главное психологическое решение. Тут мало дать торчащие усики и вытаращенные глаза, в эту маску еще надо вогнать психологическую фактуру, которая убедит сегодняшнего зрителя.

В роли Петра — Виктор Степанов, после ролей Ломоносова и Ермака окончательно ставший эталоном государственной имперской мощи. Артист, который убедителен не словесами, а именно хрипящей подлинностью их произнесения: тем, как

Кадр из фильма

ходит, как выпивает, как заедает водку луком, как любит и ненавидит. И даже не там он наиболее страшен и подлинен, где кричит, а там, где шепит простуженный. Сила характера — адская.

И — непрерывная работа за его спиной: стук топоров, сапог, прикладов...

Что такое Алексей перед таким отцом? Как может отрицать он эту силу, эту проломную правоту?

А только так, что отрицает — все. По-человечески: нелогично и огульно. Не надо ни царства, ни дела. В деревню — спрятаться! Тихо жить с женой. Да хоть в монастырь — только не в этот отцовский содом!

Позиция весьма внятная. Я бы сказал, в духе Иоанна Пятото, Петрова старшего брата, который отказался от престола. А по мнению некоторых историков, слабоумный. Однако — честно ушел. И никем не проклят и не казнен.

Алексей в фильме вроде бы того же самого хочет и про то же самое говорит. Но какая-то неуловимая фальшь все время сквозит в том, как играет такую "программу" Алексей Зуев. По-неволе вслед за Пушкиным думаешь, что несчастный царевич

и впрямь притвора и лицемер. У меня, однако, такое ощущение, что Мельников, хотя он и поминает Пушкина в титрах, закладывает в картину нечто другое. Он все делает по Мережковскому, который тоже помянут в титрах. Все объясняется психологической драмой отца и сына. Сын в фильме соткан из отрицания отца. Как это сказано у поэта? "Дыра — где у того кулак..."

Но дело в том, что психологический дуэт все-таки положен тут на активный исторический фон. И Петр воспринимается не только как отец, но и как... простите... "гарант" победы новой России. Она в фильме и чувствуется: смешная, страшная и — исторически неотвратимая. Петр — ее родитель и ее порождение.

Алексей же из своей России изъят. "От всего уйти". Но режиссер должен знать, и мы, зрители, знаем, что никуда "уйти" он не может, да и не очень хочет. А главное: разве ж дадут ему уйти те "суеверные мамы и приставники", которые "ожесточили его противу отца", и те "духовные особы", которые "вкореняли в нем ненависть к нововведениям"? Цитирую Пушкина, на которого Мельников вроде бы опирается. Но присут-

ствие старой Московии в фильме едва обозначено, в действие она по-настоящему не введена. Может, она, эта старая Московия, не менее смешна, страшна или трогательна, чем новая "Северная Пальмира". Но в фильме Московии нет. Может, греческие клобуки на наших скифских головах сидят не менее курьезно, чем голландские парики. Но мы этого не видим.

Но в таком случае: что же стоит в фильме за спиной царевича? И за душой?

Ничего. Кроме физиономического отрицания отцовской ярости и беспардонности — ничего. "Святой".

Кажется, потому и выбран на эту роль Зуев, что всякая "деятельность" отлетает от его облика, как деланная и притворная, отсутствие же "деятельности" делает неподвижное лицо святым.

Кто он все-таки: лицемер или святой? Замышлял противу отца или не замышлял? Писал или не писал возмутительные письма сенаторам и архиереям? Нет ответа. То ли писал, но не послал, то ли хотел писать, но не писал.

Единственное, что в этом сюжете ясно и на что в картине есть четкий ответ: это что убиенного жалко.

Да, жалко, что и есть знак сегодняшнего общественного настроения. Жалко Алексея Петровича, жалко Алексея Николаевича, в Ипатьевском подвале застреленного. Такое замещение одного Алексея другим — тоже в духе наших нынешних реставраторских каяний.

Так вы что, против петровской России? Против всей той двухсотлетней эпохи, которая началась со стука топоров на месте будущего Адмиралтейства?

Да ни в коем разе! Картина, созданная на "Ленфильме", — как она может быть против Петра! Разве ж питейцы пойдут против своего великого патрона! Они — не против.

И я не против, понятное дело. Вот только убиенных жалко.

Но убиенные, спасись они и приди к власти — грабили бы своих противников с такой же решительностью, как и те, иначе не одолели бы.

Нет, этого мы не знаем и знать не хотим. Что там делали бы победители-стрельцы или как расправлялись бы с красными комиссарами белые монархисты, возьми они верх, — об этом нам тяжело думать.

А вот помянуть убитого мальчика и облиться над ним слезами — это наше. И на душе чуть-чуть легче у смутного, смятенного современного человека.

Очень своевременная картина — "Царевич Алексей".

Я слышал, что режиссер хочет свой цикл продолжить.

Может, помянуть царевича Дмитрия?

Пушкин в помощь вам, друзья мои.

Мельников Виталий

14.08.97